

Альбина НУРИ

ВЕРНУВШИЕСЯ

ТАЙНЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА

Тайны уездного города

Альбина Нури
Вернувшиеся

«Автор»

2021

Нури А.

Вернувшиеся / А. Нури — «Автор», 2021 — (Тайны уездного города)

Иногда мертвые возвращаются! В Быстрорецке появились ожившие мертвецы, но кто или что заставляет их восставать из могил и преследовать живых? И как с этим связаны ужасные события, которые происходили более ста лет назад в крохотной рыбацкой деревушке на берегу Быстрой? Мише и Илье не видать спокойной жизни: Нижний мир с его жуткими обитателями снова вторгается в привычную жизнь. Размышляя над мрачными тайнами прошлого, расследуя кровавые преступления настоящего, друзья балансируют на грани жизни и смерти, а то, о чем они узнают в финале, полностью изменит их судьбы... Роман «Вернувшиеся» – четвертая книга серии «Тайны уездного города».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Альбина Нури

Вернувшиеся

Пролог

Позднюю осень он не любил. Точнее, боялся ее: как-то так получалось, что самые дурные, страшные события, делающие его и без того не слишком счастливую жизнь еще хуже, происходили именно в конце октября или в ноябре.

Бабушка и мать умерли в это время, а потом ушла и жена. Гроб опускался в могилу под свинцовым небом, первый снег падал и превращался в серую жижу, а Митьке казалось, что это он сам лежит в заколоченном ящике, и нечем дышать, и ничего хорошего уже никогда не будет.

Правда, и в Быстрорецк из деревни Рождественское, где Митрофан родился и вырос, он тоже в ноябре перебрался... Это могло бы, как говорится, сломать систему, но и из этого, если оглянуться назад и посмотреть, тоже ничего хорошего не вышло. Большой шумный город схватил слабого несмышленища цепкой железной лапой, обнюхал, попробовал на вкус, а потом пережевывал-перемолол и выплюнул.

Был Митрофан – стал Митька-алкаш. Пока жива была жена, он еще как-то держался (а вернее сказать, она его держала, приобщала к жизни, примиряла с нею), но уж когда померла...

Митька пил так люто, что самого себя порой не помнил. Он катился под откос со стремительностью, от которой захватывало дух и было настолько страшно, что лучше уж не давать себе об этом задумываться. Хорошо еще жилья не лишился, по-прежнему обитал в клетушке-малосемейке, перебивался случайными заработками.

Бывало, пытался и завязать. Вот как в тот год, когда померла Ирина, Митькина приятельница. Правду сказать, собутыльница. Неплохая была баба, веселая, не злая, заводная, а потом прямо у Митьки на глазах свалилась. Только что стояла, смеялась, говорила что-то, а через секунду бац – инсульт. Говорить после не могла, рука у нее высохла, да и ходила Ирина еле-еле. А потом померла.

Митька стал думать, вдруг и его паралич от водки разобьет? Помереть еще ладно, это, может, и к лучшему было бы, а если сразу не помрешь? Так и будешь лежать, гнить заживо, смерти ждать.

За Ириной-то сын присматривал – Илюха. Хороший такой парень, уважительный, спокойный. В очках. Митьке все, кто носил очки, казались умными и добрыми. Илья однажды даже к Митьке приходил: про отель «Петровский», где он одно время подрабатывал, расспрашивал, интересовался.

А у Митрофана детей нет, да и были бы... Не все же такие, как Иринкин Илюха.

Впервые такие мысли в голову забрались и точили, точили... В общем, хотел даже бросить пить, да как-то не вышло. А потом пришлось: нутро разболелось (опять же в ноябре!), еле откачали. Врачи сказали: хочешь жить – заканчивай с пьянкой. А Митьке так плохо было, что он и сам решил: попил свое, покуролесил, хватит.

С той поры год прошел. И вот опять октябрь на исходе, ноябрь подоспел, и тошно на душе. Митрофан работать устроился – дворником, метлой махать. Не больно-то важная должность, а все же к копеечной пенсии прибавка. Оделся-обулся, на человека стал похож, в дом кое-чего купил: в гости не стыдно позвать. Правда, некого. Прежним друзьям Митрофан теперь был не интересен, да его и самого от них воротило. А больше и не было никого.

Ну и черт с ними, одному тоже замечательно! И вообще все хорошо, жена бы одобрила, живи да радуйся, а поди ж ты – накатывало иногда, хоть волком вой. Сегодняшний вечер как

раз из таких был, когда муть на сердце, и погода еще дрянная: холодно, сыро, крупа снежная с неба сыпется, щеки колет.

Митрофан шел из магазина: решил жизнь себе подсластить, торт купил. Любимый – вафельный, с орешками, в придачу и шоколадку еще: как пить бросил, на сладкое со страшной силой тянуло.

Мимо винного отдела побыстрее прошел, даже не посмотрел в ту сторону, от греха подальше. То, что мог сорваться в любой момент – слаб человек! – Митрофан знал: до зубной боли хотелось порой накатить. Но тело помнило, до чего хреново было, и Митрофан понимал: это будет последний в его жизни стакан, вот и держался.

Но беречь себя ни к чему, вон лучше – тортики-печенюшки.

Было поздно, почти девять вечера, на улице – никого, все по домам попрятались, сидят, отогреваются друг возле друга. Девушку, бредущую по пустой улице, Митрофан заметил, когда до подъезда оставалось всего несколько метров.

В свете фонарей видно ее было хорошо – и лицо можно рассмотреть, и фигуру. Поначалу Митрофан обратил внимание на одежду. Вернее, на почти полное ее отсутствие. Холодина, сам он в теплой куртке, шапке и зимних ботинках (как жена говаривала, «на рыбьем меху»), а на девушке только что-то вроде ночной рубашки или сарафана на тонких бретельках.

Да и эта одежонка грязная, рваная, свисает ключьями. Обуви же и вовсе нет никакой: девушка шла босиком по каше из снега и грязи.

«Пьяная», – вот что пришло в голову в первый момент. В душе шевельнулись жалость и досада: сам ведь сколько раз в непотребном виде шатался, чего только не вытворял, знал прекрасно, на что человек способен, когда «в изумлении».

Это предположение подтверждала и походка девицы: разболтанная, покачивающаяся, неуверенная и в то же время тяжелая, как будто каждый шаг давался ей с трудом. Руки висели вдоль тела, склоненная голова словно бы еле держалась на шее, а ноги пьянчужка приволакивала.

Длинные волосы – то ли темные, то ли просто грязные – свисали спутанными неопрятными прядями, прикрывая лицо.

«Замерзнет же насмерть, дура», – сочувственно подумал Митрофан и двинулся навстречу незнакомке, намереваясь предложить помощь.

Куртку ей дать, спросить, где живет, кому позвонить, а может, лучше сразу полицию вызвать, мало ли, вдруг ее изнасиловали и накачали спиртным, вот потому она и раздетая, и босая; хотя, конечно, с ментами связываться не хочется... Все эти мысли мелькали в голове, пока Митрофан шел к девушке, не подозревая о том, что в действительности приближается к очередному развороту своей невеселой биографии.

– Послушай-ка, может, помощь какая нужна? Ты чего тут в таком виде...

Он хотел сказать «ходишь», но тут девушка, которая была буквально в паре шагов, повернула голову в его сторону. Свет фонаря упал на ее лицо, и Митрофан почувствовал, что мир вокруг него сначала замер, а потом словно бы поплыл куда-то, грозя утянуть за собой. Из глотки вырвался слабый хрип, руки взметнулись к горлу, но так и упали, бессильно повиснув, как перебитые птичьи крылья.

Беспокоиться о том, что прохожая может замерзнуть, заболеть и умереть от воспаления легких не стоило; не ко времени это было. Стоящая перед Митрофаном девушка уже была мертва, он сразу понял это, и сомневаться тут незачем.

У живых людей не бывает голубоватой пленки на глазах, отчего они становятся мутными, как грязная вода в луже. И пятен таких на коже не бывает, и сама кожа не отваливается от скул. И таких глубоких, но при этом не кровоточащих рубцов не может быть, и землисто-серых щек, и...

И понятно, почему голова повернута под таким странным углом: а как иначе, если шея сломана и рубец перечеркивает ее уродливой змеей.

Мертвая девушка остановилась и смотрела на Митьку слепыми глазами.

«Она не может меня увидеть!» – мелькнула спасительная мысль.

Спасительная, но глупая. Покойница ведь и ходить не может, и голову поворачивать, однако же делает и то и другое.

Запах, который источала девушка, сладковатый, тошнотворный, забивающийся в нос запах гниения и тлена, был ужасен. Если бы у Митрофана и оставались сомнения в том, что перед ним действительно живой мертвец, теперь они бы точно отпали.

Нежить медленно подняла руку, словно желая ухватить Митрофана, и приоткрыла рот. Оттуда выплеснулась и потекла по подбородку черная зловонная вода. А потом мертвячка и вправду коснулась Митькиного плеча белой ладонью, похожей на дохлую рыбину.

Несчастный был уверен, что настали последние минуты на этом свете: сейчас кошмарная тварь сграбастает его, вопьется в глотку, примется с утробным урчанием терзать его плоть – именно так поступали со своими жертвами зомби в фильмах ужасов, которые Митрофан когда-то брал в видеопрокате и смотрел с женой.

«Проклятый ноябрь, будь он неладен», – тоскливо подумал Митька, уверенный, что и ему, как и всем его родным, суждено умереть в конце осени.

Конечно, еще был шанс спастись. Нужно было бежать или попытаться как-то защититься, оттолкнуть покойницу от себя, но он не мог двинуться с места, не мог пошевелиться. Да что там – даже и на помощь позвать не мог.

Просто покорно стоял и ждал неизбежного конца, даже бояться уже не получалось. А в следующее мгновение мертвая девушка отвернулась от него, опустила руку и, словно потеряв к Митрофану всякий интерес, двинулась дальше.

Он замер, не в силах отвести от нее взгляда, смотрел на удаляющийся силуэт, пока тот не растаял в промозглой, стылой тьме. Тут бы Митрофану уйти, ведь восставший мертвец может вернуться, а еще рядом могут оказаться и другие такие же, но он все стоял, стоял, пока не почувствовал, что совсем заоченел.

Если бы он выпил хоть грамм, можно было бы списать все на воздействие алкоголя, на глюки и белую горячку (а еще можно было бы «догнаться» и забыть обо всем, погрузившись в счастливое забытие, а наутро ничего не помнить). Только Митрофан был абсолютно трезв вот уже второй год, а у трезвого, нормального человека таких галлюцинаций быть не может.

Так что придется принять дикую, невероятную правду: мертвая женщина действительно встретила ему этим вечером на темной дороге. Она стояла прямо тут, возле Митькиного дома, незряче смотрела на него, а в воздухе, кажется, все еще витал отвратительный смрад. И это могло означать только одно: в Быстрорецке появились живые мертвецы.

Часть первая

Глава первая

Что может быть отвратительнее звука, который заставляет вас просыпаться, когда вам этого не хочется? Илья лежал с закрытыми глазами, надеясь, что Марина, у которой всегда был крепкий сон, не услышит звонка будильника, проспит, а в итоге и вовсе оставит идею поездки.

«Магични камен» (то есть «волшебный камень»), боже мой! Что может быть нелепее!

Но Марина, едва заслышав переливчатое пиликание, вскочила и помчалась в ванную, на ходу сдернув с Ильи одеяло. Он терпеть не мог эту ее привычку.

– Вставай, соня! – громко проговорила она, минут через пять вернувшись в спальню. Умытая, причесанная, бодрая, словно и не ложилась.

Илья брился, разглядывая в зеркале свою помятую физиономию. Лег вчера поздно: засиделся над статьей, нужно было срочно отправить в одно из изданий, с которыми он сотрудничал.

Он собирался выполнить все заказы и взять перерыв – недели две или даже три, чтобы закончить работу над романом. Но у Марины были свои планы: она давно уже взяла с него обещание съездить на три дня в Боснию и Герцеговину, так что придется часть этого времени потратить на путешествие.

Собственно, путешествовать Илье нравилось, Боснию и Герцеговину он обожал, просто это было слегка не вовремя. Однако спорить с Мариной бесполезно.

– Знаю, ты не ешь перед дорогой, но кофе же будешь? – Она выглянула из кухни и улыбнулась. – Не дуйся, понимаю, ты спать хочешь. В машине сможешь подремать.

В машине он никогда не спал, Марина прекрасно об этом знала, но обсуждать это было лень, и Илья молча улыбнулся в ответ.

Они выехали на десять минут позже, чем хотела Марина, но все равно рано: не было и восьми утра. На месте будут часа через четыре, за это время доедут до границы, пересекут ее и оставят позади треть соседней страны.

За три года, что Илья жил в Сербии, он успел привыкнуть к маленьким расстояниям между городами и странами, даже вполне искренне начал считать, что Шабач, где они с Мариной жили уже больше двух лет, находится далеко от столицы, хотя Белград всего-то в часе езды.

Было тепло и солнечно: в здешних краях благодатная, по меркам средней полосы практически летняя погода стоит весь октябрь; часто и в ноябре, и даже в декабре можно ходить в футболке, и сегодня был как раз один из таких дней.

Машин на сербском «граничном прелазе» было мало, так что пост они миновали быстро и вскоре уже ехали через красавицу Дрину, которая разделяла Сербию и Боснию и Герцеговину. К тому, что поездка за границу может быть обыденной вещью (в Боснии и Герцеговине топливо и некоторые товары дешевле, так что люди часто отправлялись туда за покупками), Илья привык тоже.

Боснийский пограничник для проформы поинтересовался целью поездки, шлепнул печать и пожелал счастливого пути – на этом формальности закончились.

– Приедем, заселимся, потом сразу пойдем на Магични камен. А все остальное завтра посмотрим, я составила список. Вечером в ресторан ходим, да?

Марина уже проговаривала это, когда бронировала поездку. Илья успел со всем согласиться и даже оплатить то, за что требовалась предоплата, так что нужды в объяснениях не было. Однако Илья понимал, почему она все это говорит: Марина становилась многословной, если волновалась. Правда, не вполне понятно, зачем ей переживать?

Это он слегка нервничал: боялся не успеть нормально поработать над текстом, а у Марины был законный отпуск, никаких обязательств, в том числе и перед собой. С чего бы ей тревожиться?

Илья покосился на Марину, решая, не спросить ли ее об этом, но в итоге промолчал. Автомобиль ехал медленно: пришлось сбросить скорость, они проезжали небольшое поселение. Что в Сербии, что в Боснии и Герцеговине или Черногории деревни больше напоминали российские коттеджные поселки, застроенные большими каменными домами в два, а то и три этажа. Только дороги лучше и целое море цветов: ими украшены балконы, террасы, дворы.

– Ты совсем-совсем не веришь в волшебство? В магию и всякие такие вещи? – спросила Марина.

Илья слегка нахмурился. Он верил. Верил потому, что видел вещи, о которых Марина понятия не имела, да и лучше бы о них вообще никому никогда не знать. Но рассказывать ей о своем печальном и страшном опыте не собирался, а потому качнул головой: нет. Тем более что камень, к которому так настойчиво стремилась попасть Марина, и в самом деле был обычным камнем. Просто маркетинговая уловка для привлечения туристов, только и всего.

– А я вот верю, – упрямо и чуточку сердито проговорила девушка. – Невозможно долго жить в Сербии и так ни во что и не поверить. Тут, кажется, даже воздух особый. Волшебный.

В этом она была, пожалуй, права, хотя сама фраза (Илья точно знал) была из туристического буклета. Сербия, которую Илья выбрал наугад, ткнув пальцем в карту Европы, чтобы хоть на время сбежать от того, что случилось с ним в Быстрорецке, неожиданно оказалась страной, способной врачевать душевные раны.

Когда три года назад Илья летел в Белград, у него было ощущение, что мир вокруг ломается на куски, а с неба льет огненный дождь. Илью могло в любую секунду зашибить обломком или опалить, а то и сжечь – успевай только уворачиваться. Он был растерян, не знал, куда идти – к кому или к чему, в каком направлении, а в груди вместо горячего живого сердца был черствый сухарь: каждый удар причинял боль, царапал душу.

Мирная, спокойная, живущая неспешной жизнью восточноевропейская страна приняла Илью в ласковые объятия. Приучаясь двигаться с нею в одном ритме, Илья успокаивался, оттаивал, отогревался под южным солнцем.

Сербия отличалась от России, от Быстрорецка: октябрь напоминал август, в марте всюду цвели сады, люди были улыбчивыми и доброжелательными, абсолютно точно знающими, что «живот није само рад» – «жизнь – это не только работа», но еще и пешие прогулки, поездки на отдых, беседы с друзьями, походы в гости, обеды в многочисленных ресторанчиках.

Постепенно Илья привык сидеть на открытых террасах кафе, любоваться видами и пить кофе, полюбил местную незатейливую, но очень вкусную кухню и с удовольствием учил напеминающий старославянский, непривычный уху, несмотря на некоторую схожесть с русским, сербский язык.

Объездил всю Сербию, не переставая удивляться, до чего же разной может быть маленькая страна: головокружительные горы, подпирающие зелеными спинами небо, сменяются широкими изумрудными равнинами и полями, засеянными кукурузой или подсолнечником; пышные фруктовые сады, малинники, буйство цветов, сапфирово-синие озера несказанной красоты, ледяные горные реки, разбивающиеся о землю бриллиантовыми водопадами; ровные, как стрелы, дороги, что завиваются тугими спиралями при подъеме в высоту. И среди всего этого – многочисленные спа-курорты – «бани», старинные замки, мосты, монастыри, древние города и нарядные поселки...

Белград показался Илье слишком шумным, суетливым, многоголосым и непредсказуемым, а оттого тревожащим. Он искал покоя, поэтому, немного осмотревшись и освоившись, стал думать, где поселиться. О возвращении в Быстрорецк не думал, начал искать возможности остаться в Сербии.

Удаленная работа журналиста давала возможность вполне комфортно жить на Балканах. Имея российский паспорт, в Сербии Илья мог находиться тридцать дней, а далее следовало пересечь границу Сербии – и снова живи столько же. Многие делали так годами.

Илья решил, что для регулярных въездов-выездов удобнее всего ему будет жить в одном из приграничных городов, и выбрал Шабач, недалеко от границы с Боснией и Герцеговиной. Снял небольшую квартиру с видом на парк, а месяцев через семь познакомился с Мариной: сначала – в Фейсбуке, потом – лично.

Она жила в Сербии больше пяти лет, работала в туристической фирме, уже подала документы на гражданство и все чаще заговаривала об их совместном будущем, как о чем-то решенном. Хотя они еще и не жили вместе, лишь периодически оставались друг у друга.

– К этому камню люди ездят узнать судьбу, – гнула свою линию Марина. – Мы своим клиентам, кто хочет Боснию и Герцеговину посмотреть, всегда советуем туда съездить. Мостар, Сараево, Вишеград, Яйце, водопад Кравица и...

– Я знаю, – мягко перебил Илья, – ты много раз говорила.

Ему хотелось ехать молча: слушать музыку, смотреть в окно. Сколько бы раз он ни бывал здесь, любоваться местными видами не надоедало. Сербия и Босния и Герцеговина похожи: там, где есть горы, недостатка в потрясающей красоты пейзажах не будет никогда, каждый поселок и городок в кольце гор по-своему прекрасен. А если еще прибавить к этому отличный климат и встречающиеся на каждом шагу достопримечательности...

Правда, в Боснии и Герцеговине, как казалось Илье, было меньше народу, и от этого создавалось впечатление хрупкой нетронутости, ощущение, что эти чудесные места открываются специально для тебя, словно диковинная раковина, таящая внутри жемчужину.

Магични камен находился близ города Фоча. Путешественники, устроившись в забронированной квартире, немного отдохнули с дороги и поехали к нему. Илья снова заметил, что Марина нервничает, сам же трепета или смятения не испытывал, поскольку никаких откровений от камня не ждал.

Хотя, надо признать, выглядел он внушительно и необычно. Находился камень на огромной скале, на которую взгромоздился еще и монастырь не то двенадцатого, не то четырнадцатого века.

Монастырь стоял выше, на ровной площадке, а камень застыл у самого края обрыва – огромный, черный, имеющий идеально круглую форму, непонятно каким образом не сваливающийся в пропасть. С одного боку матовый, с другого – отливающий блеском, Магични камен напоминал огромный бильярдный шар, и при этом совершенно точно имел природное происхождение.

По легенде, дивный камень был сброшен то ли самим Спасителем, то ли кем-то к Нему приближенным (Илья точно не помнил) с небес на землю, на то место, где позже монахи построили обитель. Пока летел вниз, крохотный камушек превратился в громадину больше человеческого роста в диаметре и, приземлившись, покатился вниз с горы, но не рухнул в пропасть, а был чудесным образом остановлен небесными силами у самого края, символизируя, что никакой, пусть и тяжкий грех, не утащит человека за собой в бездну Ада, если тот покается и впустит Свет Божий в свою душу, станет во всем полагаться на Господа.

«Ты не упадешь, если уверуешь» – вот какую истину демонстрировал Магични камен. Даже балансируя на грани, человек достоин того, чтобы остаться наверху и не разбиться.

Красивая сказка, глаголющая прописные церковные истины, не особенно-то и замысловатая. Но камень, конечно, производил впечатление.

Илья, который прежде видел его только на картинке, не мог отвести взгляда от чуда природы и против воли проникался благоговейным чувством.

Марина стояла в паре шагов с фотоаппаратом в руке.

– Не хочешь задать вопрос? – спросила она.

Он мог бы предложить ей то же самое, тем более что как раз Марина приехала сюда за ответами, но почему-то это не пришло Илье в голову. Не думая, что делает, он подошел вплотную к камню и положил одну руку на матовый бок, вторую – на блестящий.

Удивительно, что с матовой стороны каменная поверхность была холодной, а от глянцевой словно бы шел жар.

– Ты должен попросить дать тебе знак, – донесся откуда-то издали голос Марины, и Илья раздраженно нахмурился: она мешала ему сосредоточиться.

«Сосредоточиться? На чем?! Это же просто обычный булыжник!»

Но странность ситуации была в том, что теперь Илья был в этом не так уж уверен. Точнее, был убежден в обратном.

Все, что было вокруг, пропало из виду, звуки – обрывки песни, голоса других туристов и Марины – растворились в прозрачном горном воздухе. Огромный камень закрывал собою небо. Словно черное солнце, он слепил глаза и обжигал, наполняя жаром вены, заставляя кровь вскипать жидким огнем. В ушах стучало, тело словно бы потеряло вес, и Илье казалось, что он вот-вот оторвется от земли и воспарит в невесомости.

«Что со мной?» – хотел он спросить, но вместо этого разлепил спекшиеся от внутреннего жара губы и задал другой вопрос:

– Куда ведет мой путь? В чем мое предназначение?

Стоило этим словам сорваться с языка, как Илью оттолкнуло от камня тугой волной. Он попятился, думая, что упадет, но удержался на ногах и резко обернулся, увидев рядом с собою человека.

На короткий миг промелькнула мысль, что явился еще один любопытствующий, желающий получить ответы, потом Илья решил, что это Марина, но уже через долю секунды понял: это не она.

Возле Ильи стояла, глядя прямо на него, совсем другая девушка.

Та, что любила его, но не получила в ответ той любви, какую заслуживала. Та, которая однажды спасла Илью от смерти, однако он не смог отплатить ей тем же и уберечь от гибели. Та самая девушка, которую он три года назад готов был назвать своей женой, а вместо этого похоронил за четыре тысячи километров отсюда.

Перед ним была Томочка.

Глава вторая

– Ты очень красивая, – сказал Миша.

Леля, которая красила губы перед большим зеркалом в прихожей, сердито покосилась на него.

– Не подлизывайся.

Он покаянно опустил глаза. Отец пригласил его и Лелю на день рождения Олеси в пятницу, а Миша перепутал дни и до последнего момента был уверен, что их ждут в субботу. В результате Леля была вынуждена, придя с работы, по-быстрому переодеваться, краситься, мыть волосы.

Она не терпела суеты, а еще сильнее не любила непрошенных гостей и незапланированные визиты. Тем не менее собралась быстро, как по тревоге, и из дому они вышли вовремя. Хорошо еще, что подарок купили заранее, оставалось только за цветами заехать.

– Не гони, мы не опоздаем, – проговорила Леля, пристегивая ремень безопасности. – Кто там будет, кроме нас?

– Отец сказал, никого и не звали. Дата не юбилейная. Будут Олесина сестра с мужем, мы да Сафронов. Тихий домашний вечер.

Олеся, вторая жена отца, была домоседкой, никогда не любила шумных сборищ. Да и отец в последние годы тоже как-то притих, все реже устраивал пышные приемы в дорогих ресторанах с кучей «нужных» людей. То ли необходимость отпала – он занял пост ректора Института МВД, к которому давно стремился, то ли возраст брал свое.

Подъезжая к дому, где жили отец, Олеся и их дочь Лиза, Миша подумал о том, как многое изменилось за последние годы. Жизнь его казалась идеальной – да и была таковой, но что-то ворочалось в душе, не давая покоя. Ощущение было похоже на то, будто бы ты искренне пообещал кому-то сделать нечто важное, собирался выполнить обещание и... не менее искренне позабыл о нем. Ты ничего не помнишь, но вместе с тем забытое и неисполненное не дает спать спокойно.

Тосты произносились от души, пожелания были добрыми, стол – замечательным (Олеся знала толк в хорошей кухне). Миша поймал себя на мысли, что такие семейные посиделки незаметно стали ему по душе, не вызывали отторжения. Конечно, причина была в том, что отношения с отцом наладились.

Отец был немало удивлен и даже разочарован, когда Миша объявил ему, что все планы насчет академической карьеры и адвокатуры отменяются. Разумеется, говорить отцу о том, что решение пойти по рекомендованному им пути принадлежало не ему, а существу под названием «лаффолк», которое несколько месяцев обитало в его теле (*подробнее читайте в романе «Другие хозяева» – прим. ред.*), Михаил не стал.

Обсудив все с Лелей, он повел себя по принципу «Отвергая, предлагай» и сказал отцу, что не хочет уходить в никуда, а имеет вполне ясную и четкую цель.

– Служить и брать под козырек – не мое, пап. Я это понял окончательно. Мне казалось, – тут пришлось солгать, – что адвокатура может стать отличным решением, но я ошибся. Мне хотелось бы работать на себя, однако и правоохранительная деятельность меня привлекает, а потому я подумал, что хотел бы открыть свое частное охранное предприятие.

Поначалу Юрий Олегович был категорически против: вести дела самому сложно, опыта в бизнесе у Миши никакого, к тому же молодой возраст. Но тут Михаила очень поддержал Сафронов.

Полковник Максим Сергеевич Сафронов был человеком уникальным. В полиции о его бескомпромиссности и бесстрашии (в общении как с преступниками, так и с вышестоящим начальством) ходили легенды. Бессеребренник, предельно честный человек, не умеющий про-

гибаться и проявлять лояльность, Сафронов никогда бы не дослужился до спокойного сытого места и в последние лет десять или больше работал начальником уголовного розыска в Городском управлении внутренних дел.

А еще Сафронов был лучшим другом отца (причем со студенческой скамьи) и крестным Миши. Узнав о намерении крестника, он сказал, что это дельная мысль. Миша случайно услышал их разговор с отцом, вернее, кусочек беседы, и был уверен, что мнение Сафронова оказалось решающим.

– Мишка другой, поймешь ты это когда-нибудь? Не может ни ужиком, ни боевым словом...

– А кем тогда может? Ты мне про «вольного птаха» начнешь заливать?

– Примерно, – не отступал Сафронов. Он не любил своего имени, как самого по себе, так и в сочетании с отчеством, поэтому предпочитал, чтобы его называли по фамилии. – Еще когда ты его в наш институт уговаривал, я точно знал: ничего путного не выйдет. Устав, муштра, ограничения – не по нему это. Начнешь ты ему палки в колеса совать, давить – и что?

Отец прислушался. На открытие фирмы Миша собирался взять кредит, а еще продать машину, но Юрий Олегович предложил помочь (возможно, с подачи того же Сафронова, хотя, может, и нет).

Деньги имеются, говорил отец, и он их даст. А Миша будет постепенно возвращать долг с прибыли. Что и говорить, для Миши, для их с Лелей молодой семьи это был отличный выход.

Дело пошло на удивление хорошо. Конечно, с клиентами помогли отец и Сафронов – рекомендовали Мишину новорожденную фирму, советовали знакомым, и кто-то соглашался попробовать.

Помощь была неоценима, но у Миши и самого обнаружилась коммерческая жилка. Вскоре «Щит» (так Миша назвал фирму, а Леля разработала ее логотип) стал известен в городе. Клиенты – как частные лица, так и предприятия – оставались довольны и ценами, и качеством услуг. Дело пошло, и Миша почти расплатился с отцом, чем втайне очень гордился. А еще подумывал о том, чтобы в будущем открыть и что-то вроде детективного, сыскного агентства.

Сейчас, сидя за столом в отцовской гостиной, Миша думал о том, что успех в делах некоторым образом уравнил его с отцом и Сафроновым. Он перестал быть проблемным ребенком, юношей в вечном поиске, строптивым подростком – и стал мужчиной, у которого есть надежное, серьезное и перспективное дело.

– Миша, вам бы с Лелей тоже пора!

– Что? – Он вынырнул из своих мыслей и обнаружил, что разговор свернул в опасное русло.

Сестра Олеси – недалекая бабенка с плоским круглым лицом и бесцеремонными манерами – как оказалось, произнесла тост, касающийся детей. Умилно погладила по голове племянницу Лизу, которая еле вытерпела эту ласку, вспомнила о своем сыне, который сейчас учился в столичном вузе, и переключилась на Мишу и Лелю.

«Эта Оксана – настоящая заноза в заднице», – досадливо подумал Миша.

Хорошо еще, что виделись они редко: отношения с сестрой у Олеси были довольно прохладные, общались они мало, ограничиваясь посиделками на дни рождения да дежурными звонками по телефону.

– Деток, говорю, пора бы вам! Лелечке уже двадцать пять, годы идут.

– Двадцать пять? Какие там годы! Песочница! – прогудел Сафронов.

На скулах Лели выступили красные пятна: это означало, что она начинает заводиться. Миша ее понимал: обсуждать такие вещи бестактно и глупо. А Оксана никак не желала замолчать и разглагольствовала дальше:

– Я в ее возрасте уже родила. А вам чего тянуть? Здоровые, обеспеченные, квартира-машина – все есть!

У Миши и Лели не было проблем с деторождением, они просто решили, что пока еще не время. Леля много работала в крупном архитектурном бюро, была на хорошем счету и набиралась опыта, чтобы в будущем открыть свою фирму. Миша тоже был погружен в карьеру – куда торопиться?

– Тут ведь каждый решает по-своему, – примирительно проговорила Олеся. – Захотят ребята – обзаведутся наследниками.

Оксана открыла рот, чтобы разразиться новой порцией бесценных суждений, но Миша решил, что с него довольно.

– Может, найдем другую тему для обсуждения? Например, слышал, у вашего сына были проблемы со сдачей сессии. В этом семестре тоже речь об отчислении? Вы, должно быть, ужасно беспокоитесь.

Оксана возмущенно фыркнула. Как все любители совать нос в чужие дела, она не выносила, когда кто-то критиковал или обсуждал ее саму. Сафронов спрятал улыбку в уголке рта и тайком отсалютовал Мише.

Олеся ловко перевела разговор в другое русло, а вскоре Оксана с мужем ушли домой, так что обстановка стала совсем непринужденной. Они смеялись, шутили, ели вкуснейшие блюда, говорили о разном, позабыв про глупые речи Оксаны.

– А ты хотел бы ребенка? – спросила Леля поздно вечером, когда они вернулись домой.

Миша задумался. Представить себя отцом ему пока было сложно. С другой стороны, если он и видел какую-то женщину матерью своих детей, это была только Леля.

Она смотрела напряженно, выжидательно, словно его ответ много значил для нее. Точно так Леля смотрела в тот единственный раз, когда они поговорили про начало их совместной жизни. Ведь жить вместе начали Леля и не-Миша, лаффолк, забравшийся в его тело.

– Не ты предложил мне съехаться. Это было не твое решение, – тихо сказала тогда Леля. – Поэтому если считаешь, что... – Она запнулась. – Я уйду.

Михаил спросил себя, что чувствует. То был не первый раз, когда он размышлял на эту тему, но тут сам себе задал вопрос: хочет ли он, чтобы Леля ушла? И понял, что не хочет.

– Конечно, нет, – ответил он. – Я люблю тебя. И ты ни в чем не виновата.

Он повторил эти слова еще раз. И повторял их себе всякий раз, когда тяжелые мысли или ревность начинали поднимать голову.

Леля не виновата. Распознать то, с чем они все – Томочка, Илья, он, Леля, Ирина – столкнулись, было невозможно. Главное, что они остались живы. Томочке и матери Ильи повезло меньше. И ему, Мише, грех обижаться на судьбу: она оставила ему и отца, и любимую девушку. А у Ильи – забрала.

Вскоре Миша с Лелей подали заявление, а после тихо, без помпы расписались. Юрий Олегович и мать Лели, конечно, возмущались отсутствием свадебного торжества, но молодые были непреклонны и выступили единым фронтом: никакой свадьбы! Вместо этого – медовый месяц в Европе.

Поженившись, Михаил и Леля закрыли болезненную тему и больше никогда не возвращались к этому вопросу, но почему-то сейчас, когда она спрашивала про детей, в ее словах чудились отголоски тех жутких событий. Может, Леля считала, что в глубине души Миша не смог избыть обиду и продолжает на нее сердиться?

«Кто поймет, что у женщин в голове», – вздохнул про себя Миша.

– Я люблю тебя, – сказал он вслух. – Надеюсь, ты родишь мне девочку или мальчика. А лучше и девочку, и мальчика.

Напряжение заметно спало.

– У нас все будет хорошо, – улыбнулась Леля. – Главное, что этой «стивен-кинговской» ерунды больше нет в нашей жизни. И не будет.

«Все же я был прав», – подумал Миша.

Тревожное прошлое и будущие дети увязывались вместе в ее голове: при мысли о детях Леля вспоминала об ужасах, которые ей и ее мужу довелось пережить. Надеялась, что этот кошмар не будет иметь последствий.

Глава третья

Илья пришел в себя внезапно, вынырнув из топкого омута, куда провалился с головой. Не было никакой зыбкой грани, спасительного забвения – он сразу, в тот же миг, как открыл глаза, вспомнил, что случилось, *кого* он видел перед тем, как потерять сознание.

Сейчас Илья находился в небольшой светлой, скромно обставленной комнате с высоким окном и догадался, что его, должно быть, перенесли в одно из помещений монастыря.

– Где... – начал Илья, но говорить было трудно: язык будто стал непомерно огромным, едва помещаясь во рту и мешая дышать, а вдобавок сухим, как кусок пемзы.

– Слава богу! – Марина, сидевшая на стуле возле его кровати, встала и склонилась над ним. – Как себя чувствуешь? Илья, ты меня так напугал! Был без сознания почти два часа. Местный врач приходил, померил давление, осмотрел тебя, сказал, что все показатели в норме, велел позвать его, когда ты очнешься. Я хотела вызвать скорую, но он...

– Пить, – попросил Илья, и Марина метнулась к тумбочке, налила воды в стакан, поднесла к его губам.

Влагу не зря называют живительной. Она смочила горло, язык уменьшился до нормальных размеров, и Илья, сумев сделать глубокий вдох, повторил свой вопрос.

– Где она?

Марина озадаченно огляделась по сторонам. Рядом никого не было.

– Кто? О ком ты говоришь?

Илья понимал уже, что случилось нечто странное, неукладывающееся в привычные рамки, но был сейчас слишком слаб, чтобы лгать и придумывать подходящее объяснение.

– Томочка, – обреченно проговорил он. – Я видел ее возле камня.

На Маринином лице появилось неуверенное выражение: она не знала, как реагировать на упоминание этого женского имени, ведь Илья никогда не рассказывал ей о Томочке.

– У камня были ты и я. Чуть дальше стояла группа людей, но я не...

Илья прикрыл глаза. Ему вдруг захотелось, чтобы Марина ушла. Она не была ни в чем виновата, не могла отвечать за происходящее, хотела лишь помочь, понять, но ее общество было ему в тягость. Сказать об этом, попросить девушку уйти Илья, разумеется, не мог, оставалось надеяться, что она решит, будто он собирается вздремнуть, и оставит его в покое.

Миша – вот с кем хотелось поговорить, вот кто понял бы, но лучший друг так далеко!.. Марина не отозвалась на мысленную просьбу Ильи, вместо этого спросила:

– Кто такая Томочка? – В голосе зазвучали ревнивые нотки.

– Моя невеста, – сухо ответил он, все еще надеясь побыть один. – Она погибла. Выпала из окна.

Марина ахнула и, наверное, подумала, что уж теперь-то понимает, почему Илья так упорно не замечает ее скрытых и явных намеков на бракосочетание. Отчасти она была права. Но лишь отчасти.

Девушка придала лицу сочувственное выражение и собралась произнести что-то подобающее ситуации, но тут в дверь постучали.

– Наверное, доктор!

Марина подошла к двери и распахнула ее, приготовившись сказать, что как раз сама хотела пойти за врачом, но на пороге был вовсе не доктор.

Пожилая женщина с густыми седыми волосами, доходящими ей до плеч, крупным носом и пронзительными темно-кариими глазами, одетая в брюки и синюю блузку, смотрела на Марину требовательно и немного торжественно.

– Где он? Мне нужно с ним побеседовать, – сказала она. – Это срочно.

В Боснии и Герцеговине говорят либо на боснийском, либо на хорватском, либо на сербском (хотя в действительности это практически один и тот же язык под разными названиями). Марина отлично знала сербский, так что прекрасно понимала всех, с кем ей доводилось общаться и в Сербии, и в Черногории, и в Боснии и Герцеговине, и в Хорватии, но эта женщина говорила на необычном диалекте: разобрать сказанное оказалось сложновато.

– Вам нужен Илья? – уточнила она, не понимая, зачем он мог понадобиться старухе.

– Значит, его зовут Ильей, – задумчиво произнесла посетительница. – Хорошее имя. Мне нужен молодой мужчина, который сегодня получил предзнаменование. Мне сказали, он тут.

– Да, но он...

Услышав подтверждение, старуха отбросила дальнейшие расспросы и церемонии. Посчитав излишним спрашивать разрешения, она шагнула в комнату, небрежно отодвинув Марину плечом.

– Здравствуй, – сказала гостя, садясь на стул возле кровати Ильи.

Он хотел привстать, но голова закружилась, перед глазами поплыло, и Илья вынужден был откинуться на подушки.

– Лежи-лежи, тебе нужно прийти в себя. Это не так-то просто, ведь Знание требует сил.

Фраза была странная, да и вообще Илья, который знал язык на элементарном уровне, понимал старуху, говорящую на неклассическом сербском, с большим трудом.

Марина, заметив, что Илья растерян, решила взять ситуацию в свои руки и решительно проговорила:

– Вам лучше уйти. Илья не вполне здоров, плохо себя чувствует, ваше присутствие нежелательно.

– Я сама знаю, что мне лучше. И мне, и ему. А ты бы закрыла дверь, чтобы нам никто не мешал.

Марина оцепенела, не зная, как себя вести, а старуха, позабыв о ее существовании, посмотрела на Илью и отчетливо проговорила:

– Твоего появления ждали. Сила камня призвала тебя, и теперь твоя жизнь изменится. Ты ведь кого-то видел? Кто это был?

– Да послушайте же... – возмутилась Марина, но Илья, который, хотя и не без усилий, но понял, о чем вещала старуха, перебил ее:

– Эта женщина знает что-то важное. Нам нужно поговорить.

Посетительница, которая и не сомневалась, что все обернется именно так, назвалась Драганой. Она хотела остаться с Ильей наедине, но, поскольку быстро выяснилось, что тот не понимает и половины сказанного ею, пришлось согласиться на переводчика. Так они и остались втроем: Марина послушно заперла дверь и придвинула к кровати второй стул.

– Ты не просто так здесь оказался, – заявила Драгана. – Все в нашей жизни предопределено, твое появление – тоже. Моя семья испокон веку жила в этих краях, тут появились на свет мой дед и отец, их отцы, деды и прадеды. Они строили дома, рожали детей, растили виноград, разводили коз. Камень был всегда и всегда делал одно и то же: открывал глаза Видящим.

– Если они уже видят, зачем открывать им глаза? – фыркнула Марина, и Драгана смерила ее таким взглядом, что обычно бойкая девушка покраснела.

– Посмотреть на Магични камен приходят тысячи людей каждый год, они спрашивают о своей жизни и дальнейшей судьбе, касаются камня, а некоторые внушают себе, что узнали нечто важное. Но тех, кто в самом деле получает известие о предназначении, как ты, единицы. До определенного момента Видящие не знают, кто они, не ведают, зачем Господь прислал их на грешную землю. Но камень влияет на них, они начинают понимать. А задачей людей из моего рода было объяснить им на первых порах, подсказать. Конечно, Видящие появлялись редко, бывало, и столетие пройдет, а никто так и не... – Старуха прервала себя, похлопала Илью по руке и неожиданно улыбнулась по-детски восторженно. – А мне вот довелось!

– Значит, Илья, по-вашему, Видящий? Что же он видит? Будущее?

– В определенные моменты таким, как ты, открывается Знание, – игнорируя реплику Марины, продолжила Драгана. – Знание о прошлом или будущем, ответы на вопросы – те, что заданы, и те, которые страшно задать. Пока ты не можешь управлять этим процессом, Знание будет иногда приходит в неподходящее, по твоему разумению, время, но со временем ты научишься. Что ты почувствовал, когда прикоснулся к камню?

Илья попытался объяснить, Марина перевела.

– Знание открывает Видящему разные стороны жизни, – сказала Драгана.

– Но почему я увидел Томочку, мою покойную невесту? – тихо спросил Илья. – Что это должно означать?

Старуха пожевала губами.

– Я же объяснила, что должна всего лишь сказать тебе: ты – особенный. А я как раз самая обычная – откуда мне знать наверняка? – Старуха вздохнула. – Однако догадаться несложно. Томочка явилась, потому что она – твой проводник в мире мертвых.

– Вы хотите сказать, что Илья – медиум? – изумленно спросила Марина. – С мертвыми вроде бы говорят медиумы.

– Значит, его Знание будет открываться Илье так! – Старуха пожала плечами и поднялась со стула. – Все люди разные, все Видящие видят по-своему.

Проговорив это, Драгана направилась к двери, по-видимому, сочтя свою миссию выполненной. У Илья голова шла кругом, он почувствовал, что, хотя это и несправедливо, злится на старуху.

– Зачем вы рассказали мне это? Ничего определенного, какие-то увертки. Что мне со всем этим делать? Как жить? – громко спросил он, забывшись и перейдя на русский.

Однако Драгана, кажется, все поняла.

– Ты должен просто принять это. И жить с этим принятием. Все придет позже, ты разберешься и справишься.

Не вымолвив больше ни слова, даже не попрощавшись, старуха вышла из комнаты.

Марина и Илья смотрели друг на друга.

– В конце она сказала...

– Я понял. Посоветовала как-то жить и ждать, и все само собой разъяснится. – Илья помассировал виски: в глубине черепа разгоралась головная боль. – Это все равно, что сообщить человеку о смертельной болезни. Как такое вообще можно принять?

Марина подошла к кровати и присела на корточки у изголовья.

– А ты не думаешь, что она просто сумасшедшая?

Илья хотел возразить, но девушка остановила его взмахом руки.

– Про род, про миссию – все это ей внушили с детства. Я же говорила, тут народ свято верит во всякую мистику. На Видовдан реки превращаются в кровь, а если работать в церковный праздник, Господь накажет и все такое... А тут подумай: местные живут рядом с камнем, достопримечательностью, оваянной легендами! Жители волей-неволей вросли в эту идею, многое приняли на свой счет. Предки, которых тут чтят, вбили в головы потомкам ахинею про Видящих, Драгана ждала всю жизнь, когда же представится возможность отличиться, а тут такое совпадение – твой обморок, вот она и решила, что час пробил.

– Для девушки, которая рассуждала о вере в волшебство и проехала несколько часов, чтобы получить ответы, ты рассуждаешь слишком цинично, – заметил Илья, и Марина почему-то покраснела. – Ты же сама верила в магию.

Девушка порывисто поднялась и отошла к окну, а Илья, будто и не заметив этого, продолжал медленно говорить, глядя куда-то в стену:

– Есть вероятность, что Магични камен вправду обладает силой. То, что я чувствовал, стоя возле него, было очень необычно, ни на что не похоже. Как знать, может, находясь рядом,

некоторые люди действительно могут узнать о своей судьбе? Дело не в том, что я какой-то там Видящий. Тут Драгана ошиблась, никакой я не медиум: у меня таких способностей отродясь не было. Но что, если Томочка явилась, чтобы сказать: моя судьба – пойти вслед за ней.

– Что за бессмыслица! – воскликнула Марина. – С чего бы это?

– Ты ведь не знаешь, как она умерла.

– Еще бы! Я не знала и того, что она когда-то жила на свете, – прохладно сказала Марина. – Ты не рассказывал.

– Прости.

Говорить не хотелось и сейчас, тем более – рассказывать правду о себе и Томочке; это был бы слишком долгий и болезненный рассказ (*подробности отношений героев и гибели Томочки – в предыдущих романах серии «Тайны уездного города» – прим. ред.*).

Илья ограничился тем, что изложил официальную версию: он уехал на неделю в командировку, оставив Томочку и больную мать одних, а в день его возвращения Томочка решила вымыть окна и сорвалась с подоконника, разбившись насмерть. Спустя короткое время скончалась и мама.

Марина, конечно, принялась сочувственно причитать, сетуя, что ничего не знала; произносить банальности про несчастный случай и то, что ему не следует винить себя.

Илья прекрасно знал, что это не так. Вина на нем была – еще какая. А то, что произошло с Томочкой и с мамой, было чем угодно, только не несчастным случаем. У Томочки имелись веские причины злиться на него и, возможно, теперь она желала забрать Илью с собой. При жизни его невеста была доброй, отзывчивой и милой, но после смерти все могло измениться: быть может, сейчас Томочка стремится отомстить...

Марина все говорила и говорила, успокаивая Илью, не догадываясь, что ему это вовсе не нужно, скорее, наоборот. Голова его постепенно тяжелела, наполнялась болью, как кувшин – молоком, и в какой-то миг он не выдержал и сказал невпопад:

– Драгана права: я тут не случайно. Мне нужно было сюда попасть и увидеть Томочку. Магични камен – непростое место, и я должен осмыслить...

– Прекрати ты себе голову забивать! – неожиданно исступленно крикнула Марина, подходя к нему, и Илья увидел слезы в ее глазах. – Чушь собачья – и эта старая идиотка со своей пургой про Видящих, и камень дурацкий, и его свойства! Нету ничего – одни выдумки и старые сказки! А вот то, что ты тут очутился вовсе не случайно, это да! Я тебя специально притащила, потому что другого выхода не видела, подумала: почему бы не попробовать?

Глава четвертая

Проводив отца, Олесю и Лизу в аэропорт, Миша подумал, что надо бы и им с Лелей куда-то выбраться. После медового месяца они так нигде и не были, погрузившись в дела и заботы.

Улетая в Турцию, отец обещал звонить и присылать фотографии, Олесю, по обыкновению, молча улыбалась, а Лиза, похоже, мыслями уже была у моря.

– Полетели бы тоже с Лелей, – вдруг, откликнувшись на Мишины мысли, сказал отец. – Или вон Илюху бы съездили навестить – никаких сложностей, никаких виз не надо.

По Илье Миша скучал. Да, они созванивались, постоянно общались, но все же поговорить по видеосвязи, даже выпить вместе и чокнуться через экран – это не одно и то же, что сходить в любимое кафе, пройтись по набережной Быстрой, пожарить шашлыки на выходных.

Но Илью из Сербии было не выманить, да и стоило ли это делать? Друг старался прижиться в новой стране, прирасти корнями к месту, которое ему так понравилось. К тому же их отношения с Мариной, кажется, неплохо складывались.

– Да, стоило бы, – ответил он отцу. – Но, видишь...

– Да вижу я, вижу. В другой раз.

Юрий Олегович обнял сына.

– Береги себя, – неловко сказал он.

– Буду, конечно. Я себя всегда берегу, – улыбнулся Миша. – Ты чего это?

– Маму нашу во сне видел, – тихо сказал отец, мельком глянув на Олесю, которая что-то выговаривала Лизе. – Она такая грустная была, плакала. И что-то говорила про тебя, но я не запомнил, что она хотела. Мне все казалось, она обижается, сердится на меня. Такое настроенье паршивое утром было.

Миша не знал, что на это ответить, но тут объявили посадку, к ним подошла Олеся, стало не до разговоров о снах. Выходя из здания аэропорта, Миша подумал, что они с отцом впервые за много лет поговорили о маме. Оба старались обходить эту тему, она была слишком болезненна. Так уж вышло, что потеря не сблизила их, каждый переживал ее по-своему.

Отца с семьей Миша проводил, но уходить из здания аэропорта не собирался: нужно было дождаться Сафронова. Его самолет как раз через полчаса должен был приземлиться: Сафронов возвращался из короткой командировки в Москву, и Миша предложил дождаться крестного и отвезти его в город. Тот не стал отнекиваться.

Кто-то прилетает, кто-то улетает. Одни уезжают, другие остаются. Кто-то начинает жить, а за иными приходит старуха с косой – такова реальность. Здесь, в месте, где взмывают в небо крылатые машины, сами собой лезли в голову мысли о вечности и бренности бытия.

Миша купил кофе, надеясь взбодриться: он встал в половине четвертого. Небо на востоке лишь недавно начало светлеть, утро в ноябре напоминает поздний вечер.

Он выпил два капучино, когда показался дядя Саф – так Миша с детства привык называть своего крестного отца. Тот шел солдатским чеканным шагом – седовласый, коренастый, подтянутый, гладко выбритый. Даже если и не знать о нем ничего, все равно можно догадаться: служивый человек.

Заметив крестника, Сафронов радостно заулыбался, и Миша поспешил навстречу.

– Проводил своих? – спросил Сафронов. – Все нормально?

– Улетели, – ответил Миша. – Ты как? Как командировка?

Дядя Саф махнул рукой: нормально, чего там интересного.

Хотя, если честно, ситуация была отнюдь не рядовая. Миша догадывался, зачем начальника уголовного розыска могли пожелать увидеть в столице.

Дело было в маньяке, который похищал и убивал девушек. То есть, конечно, доподлинно ничего известно не было, но слухи по Быстрорецку ползли зловещие, а СМИ и разные блогеры настойчиво их подогревали, пугая народ еще больше.

– Сколько всего жертв? – спросил Миша, запуская двигатель, и поспешно прибавил: – Я знаю, что ты не должен ничего со мной обсуждать, но я все же бывший сотрудник и к журналистам не побегу, обещаю.

Сафронов пожевал губами.

– Найдено семь. Но есть вероятность, что их больше, просто пока не всех обнаружили.

То, что в городе и окрестностях орудует зверь, жестоко убивающий молодых женщин, поняли не сразу. Почти год назад, когда была найдена мертвая девушка, никто не догадывался, что это, если можно так выразиться, лишь первая ласточка. Двадцатилетняя студентка пропала в конце октября, а в середине декабря ее изуродованное полуразложившееся тело нашел в пригородном лесу житель одной из деревень. Он и стал первым подозреваемым. Потом, конечно, его непричастность доказали, но найти убийцу не удалось.

Две следующие жертвы оттаяли с приходом весны. Одна – в рощице на окраине города, вторая – в заброшенном строительном котловане. Находили мертвых девушек в разных концах города, и опять-таки никто не подумал объединить все три эпизода в одно дело, и только с появлением четвертого трупа, найденного в мае на городской свалке, стало ясно, что за этими преступлениями стоит один человек.

Девушек не насиловали, но на телах были следы увечий, истязаний, а смерть, как писали на сухом языке протокола официальные источники, наступала в результате асфиксии. Мучитель душил их, за что и получил в прессе прозвище «Душитель».

С того момента пропали и впоследствии были обнаружены еще четыре жертвы, последняя нашлась буквально вчера утром. Как писали в газетах, несчастную обнаружили вскоре после того, как убийца сбросил тело в Быструю неподалеку от дачного поселка, безлюдного в это время года.

Возможно, и эту бедняжку не нашли бы еще долго, но тут вмешался случай: мужчина, которого жена выставила из дому, ночевал на даче, что стояла на первой линии у воды, и увидел проехавший в сторону реки автомобиль. А рано поутру отправился выгуливать своего пса, и тот вдруг завыл и потащил хозяина за собой.

– Значит, теперь есть свидетель. Он заметил, что за машина?

– Какой там! – махнул рукой дядя Саф. – Сказал, что напился с вечера в зюю, удивительно, как еще умудрился вспомнить про машину. Да и темень же была. Свет фар – больше и не увидишь ничего.

– Тело было возле берега?

– Заболоченный такой бережок, камыши. До лета бы не нашли, да и летом народу там не бывает – кто туда купаться полезет? Короче, опять глухо пока. Изворотливый, гад. Мы пытаемся понять, зачем он это делает, чего добивается, какие проблемы решает – ведь это не изнасилование, он их в этом смысле и не касается. Миссионерской цели, судя по всему, тоже нет: девушки все приличные, без вредных привычек, из нормальных семей, то есть убийца не стремится очистить мир от грязи, убивая, скажем, проституток или наркоманок. Тут тоже тупик. Вот сейчас в Москве об этом и говорили, специалиста по серийным преступлениям завтра пришлют.

Сафронов умолк, погрузившись в свои мысли. Миша знал, что высокое начальство всячески хотело избежать московского вмешательства, даже и объединения убийств в одно дело не происходило во многом потому, что не хотелось признавать: в Быстрорецке орудует маньяк. Сафронов каким-то образом ухитрился добиться своего, ратовал за честность и открытость, полагая, что укрывательство лишь приведет к появлению новых жертв.

После обнаружения седьмой жертвы Сафронов сразу, чуть ли не с места преступления отбыл в Москву. Скорее всего, это едва не стоило ему карьеры, но Сафронову всегда было плевать на мнение начальства. Он шел напролом, как медведь через бурелом, делая то, что считал важным и правильным.

Автомобиль остановился на светофоре, и Миша посмотрел на Сафронова. А ведь он и не замечал, что тот постарел! Привык с детства видеть нестигаемого, доброго и сильного человека, не задумываясь, что, пока сам он становился старше, взрослее, дядя Саф двигался в обратном направлении, в сторону Вечности. Седина, морщины, горестная складка возле рта, пигментные пятна...

Хотя назвать Сафронова стариком ни у кого язык не повернулся бы, он напоминал кряжистое, еще мощное дерево, уже тронутое осенью, с пожелтевшими, сухими листьями.

Должно быть почувствовав Мишин взгляд, Сафронов обернулся и улыбнулся теплой, чуть насмешливой улыбкой.

– Смотришь и думаешь: сдал старик, а?

Миша всегда знал, что Сафронов проницателен, но это было нечто совсем уж сверхъестественное.

– Ты крутой, дядя Саф. Когда маленький был, я хотел быть таким, как ты. И сейчас бы не отказался.

Сафронов хотел улыбнуться, но вместо этого нахмурился.

– Не отказался бы я и вправду быть крутым.

Он отвернулся, сжав челюсти.

– Ты найдешь его. Поймаешь ублюдка. Если не ты, кто тогда?

Они уже подъезжали к городу. Быстрорецк вырос на горизонте, надвигаясь на них, наплывая. Где-то там была Леля. И был нелюдь, отнимающий жизни.

– Лелю береги, – внезапно сказал Сафронов, снова демонстрируя почти нечеловеческие способности. – Она хрупкая, ты за нее в ответе. Вечером пусть одна не ходит, никаких пробежек в парке, в машину пускай никого не подсаживает! Строго-настрога запрети останавливаться, кто бы ни голосовал, даже если покажется, что это безопасно. Все молодые женщины сейчас под ударом, никто не застрахован, пока преступник на свободе. Нам же всегда кажется: с кем угодно, только не со мной, не с моими родными! Каждый себя считает заговоренным, его-то, мол, беда обойдет. А она не обходит. Она всегда рядом и, если ты не начеку, схватит тебя за горло.

Голос его сел, последние слова Сафронов договорил почти шепотом.

Миша не знал, что сказать – любые утешения были излишни.

Жена Сафронова погибла примерно два с половиной года назад, разбилась на машине дождливой майской ночью, забрав с собой в могилу часть его души.

Если Миша и видел когда-то идеальную пару, это были Сафроновы. То, как сильно они любили друг друга, было заметно всем: такую любовь, как кашель, не утаить. Она проявлялась в жестах, взглядах, интонации. Детей у них не было. Миша не знал почему: были ли причиной тому проблемы со здоровьем у мужа или жены, либо же супруги сделали сознательный выбор. Но после того, как случилась трагедия, все кругом боялись, что Сафронов не переживет смерти Зои – получалось, что и жить ему незачем, и вытащить из черного болота горя некому.

Он всегда стремился помочь, добиться справедливости для других, но жизнь несправедливо поступила с ним, ударила так, что он еле встал на ноги. Сафронов не мог принять этого. Закрывался в квартире и пил, никого к себе не подпускал, ни с кем не общался. Исключение составлял Юрий Олегович. Он хотел переехать к другу – боялся, как бы тот не сделал с собой чего-то, но Сафронов не позволил. Тогда отец Миши взял у него ключ и по три-четыре раза на дню приезжал, проверял, как он там, привозил еду.

Этот ад длился около двух месяцев, вырваться из омута Сафронову помогла работа. Он всегда был фанатично предан делу, а после смерти жены, вернувшись на службу, и вовсе посвятил ей свою жизнь, дневал и ночевал на работе. Миша понимал, что появление жестокого убийцы, а точнее, то, что он оставался на свободе, бросало вызов Сафронову, в некоторой степени унижало его, заставляло вновь чувствовать себя жертвой обстоятельств и чьей-то злой воли.

Миша открыл рот, чтобы сказать дяде Сафу, что в происходящем нет его вины, невозможно контролировать все на свете, он делает то, что может, и даже гораздо больше, поэтому усилия его обязательно увенчаются успехом, но тишину разорвал звонок сотового.

– Слушаю, Сафронов, – привычно бросил в трубку дядя Саф.

Кто-то сбивчиво заговорил на том конце провода – Миша слышал захлебывающийся голос.

«Господи, неужели нашли новую жертву Душителя?» – подумал он.

Но все оказалось запутаннее.

Отведя трубку от уха, нажав на кнопку отбоя, Сафронов поглядел на Мишу и проговорил:

– Вот так дела! – Михаил никогда не видел дядю Сафа таким потрясенным. – Девушка...

Тело, которое вчера нашли в Быстрой, ночью пропало из морга. Вскрытие сделать еще не успели, как раз сегодня должны были заняться. Вечером сотрудники уходили из здания – труп был на месте. Сейчас, поутру, вернулись – его нет.

У Миши отвисла челюсть.

– Но как...

– погоди, это еще не все. Десять минут назад тело снова обнаружили. В затопленном подвале одного из домов. Мне срочно нужно туда. Подбросишь?

Глава пятая

Три дня шли дожди, но сегодня, к счастью, небо стало светлеть, вдоволь наплакавшись. Пока еще все равно моросило, но уже завтра, если верить прогнозам, снова будет солнечно и ясно. Такая уж в Сербии погода: не умеет подолгу сердиться, на смену сырости и холодам быстро приходит благодатное тепло.

Впрочем, сейчас, глядя на сивую, вспучившуюся Саву, на хмурое тяжелое небо, ощущая, как ветер забирается ледяными ладонями под куртку, Илья думал о том, что настроение у природы такое же мрачное, как у него.

Он любил приходить сюда, гулять по набережной и огромному парку. Рядом высилась «Шабачка тврджав» – остатки древней крепости, катила свои воды величавая Сава – и Илье вспоминались родные места: Быстрорецк, река Быстрая...

Обычно тут полно народу, но сегодня он был один, даже рыбаков не видно. Его любимая скамья была мокрой, поэтому он не уселся на нее, чтобы полюбоваться на воду, а медленно прошел мимо. В голове была каша, и он никак не мог привести мысли в порядок.

После памятного разговора с Драганой Илья и Марина собрались и уехали обратно в Шабац. Он чувствовал жуткую слабость, словно был тяжело болен, но оставаться в тех краях не хотел. Что-то гнало его прочь – а может, он попросту хотел сбежать от себя самого, от сумбурных, навязчивых мыслей.

Почти всю дорогу Илья проспал. С Мариной они, после ее признания, почти не говорили. С тех пор минуло четыре дня, и никакую книгу Илья не писал. Он вообще не делал ничего из того, что собирался сделать во время своего короткого отпуска, только спал, изредка перекусывал, тупо перебирал сайты в Интернете и бродил по набережной. Мок под дождем, мерз, и это странным образом помогало ему чувствовать себя живым и настоящим.

Марина звонила пару раз, они перекидывались вежливыми, пустыми фразами, в которых не было ничего – ни души, ни смысла, ни хоть какого-то намека на решение тех вопросов, которые навалились на Илью.

– Почему бы не попробовать? – сказала Марина там, в монастыре, когда ушла старуха. – Я просто поняла, что дальше тянуть некуда. Мы вместе уже давно, но у меня всегда было такое чувство, что ты никак не можешь разобраться, понять, что я для тебя значу. Мы отлично подходим друг другу, я люблю тебя, но наши отношения топтались на месте, и я не понимала... – Она задыхнулась, и Илья увидел, что Марина готова расплакаться.

Конечно, она права.

В ее понимании все шло хорошо и должно было развиваться. У нее все было спланировано, продумано, а Илья словно бы никак не мог поставить подпись под документом, чтобы проект начал реализовываться.

– Скоро мне дадут гражданство, – говорила она. – Мы поженимся, через три года на гражданство можешь подать и ты как мой супруг. А пока подадим документы на временное проживание, его сразу на год дадут, сколько можно через границу мотаться каждый месяц? Самому надоело, наверное. Как только получишь документы, сможешь и нормальную медстраховку оформить, и машину купить, на права сдашь. Пора уже жить не как вечный турист, а по-человечески. Тебе же тут нравится? Возвращаться не хочешь? Ну и что тогда?

Илья и сам не понимал что.

Марина все говорила правильно, он был с нею согласен. Однако что-то не давало покоя. Илья не мог, как она выражалась, обосноваться на плодородной сербской земле, хотя и любил уже эту страну всем сердцем и понимал, что это отличная жизненная перспектива. Не мог: тянуло что-то, мучило, не давало покоя. Было в его жизни нечто недосказанное, незавершенное, только вот что именно он должен завершить, Илья не понимал.

А пока не мог до конца во всем разобраться, выжидал и медлил, вот Марина и решила его подтолкнуть. Совсем чуть-чуть, несерьезно даже, как бы в шутку.

Она задумала небольшое представление, вполне невинное, мистическое, в духе тех мест. Когда Илья коснется камня, появится старуха в живописной одежде (якобы местная ясновидящая) и произнесет витиеватую фразу, смысл которой сведется к тому, что судьба Ильи в лице любимой женщины находится рядом с ним – и это, конечно же, Марина.

Сама она ни минуты не верила в то, что Магични камен – это и в самом деле нечто большее, чем обычная каменюка, что человек возле него может что-то там увидеть и понять о своей жизни.

– Просто все удачно совпало: отпуск вместе, восхитительные места, романтика, – сбивчиво говорила Марина. – Понимаю, это звучит глупо, но я надеялась, что ты можешь воспринять слова «ведуньи», произнесенные у камня, как знак судьбы!

– Ты ей заплатила, чтобы она меня убедила жениться на тебе? – Илья не злился на Марину, скорее уж, на себя.

– Когда ты это говоришь, звучит ужасно. Грубо и... – Марина была расстроена, и Илье было ее жаль. – Просто если ты не решался, то это, возможно, навело бы тебя на мысль о том, что мы должны быть вместе.

Сейчас, бредя под снова разошедшимся дождем, Илья думал о том, что никогда не был в этом уверен, а теперь – особенно.

– Так и знала, что ты тут, – прозвучал знакомый голос.

Илья обернулся и увидел Марину в голубом дождевике.

– Ты почему не на работе?

Она пожала плечами.

– Надо поговорить. По телефону не получается, в гости ты не зовешь, сам, думаю, не придешь. – Марина слегка покраснела. – Я хочу, чтобы ты был со мной честен. Скажи, мы еще можем быть вместе?

Девушка взяла его под руку, и дальше они пошли вместе.

– Ты меня не поняла. Я не обижаюсь. Ты хотела как лучше, тебе нужна была определенность – любому нормальному человеку ее хочется.

– А тебе?

Илья улыбнулся.

– И мне.

Приободренная его улыбкой, Марина потянулась к нему и поцеловала в щеку.

– Я понимаю, что вела себя как дура. Тем более ты никогда не обещал мне ничего, мы встречаемся, нам хорошо вместе. Ясное дело, мы еще очень молоды, можем не торопиться.

И снова она говорила верные вещи – и опять они были не о том, не в унисон, вразрез с его мыслями. Дело было не в Марине, не в их отношениях. Это было как... зов.

Илья не мог определить точнее. Он чувствовал этот зов, слышал его, как будто нечто внутри него было настроено на прием. Но куда его звали и кто, понять не мог.

Возможно, это предназначение, о котором говорила Драгана.

А возможно, нет.

Дожди, как и предрекали синоптики, закончились. Илья вернулся к работе, так и не взявшись за свой роман. Отношения с Мариной потихоньку стали налаживаться: они снова встречались по вечерам, ходили куда-нибудь, беседовали, как прежде, стараясь не касаться поездки в Боснию и Герцеговину.

Сама поездка, кстати, вспоминалась все реже, Илья устал размышлять о странных словах Драганы, да и то, что он именовал про себя «зовом», стало тише, незаметнее.

Наверное, Марина права. Нужно заняться оформлением документов, подумать о продаже квартиры в Быстрорецке и покупке недвижимости здесь, в Сербии. Он заикнулся об этом,

когда они ужинали в маленьком ресторанчике в центре города, который обоим очень нравился. Лицо Марины просияло, и Илья ощутил укол совести. Она заметила его внимательный взгляд и поспешила сменить тему, чтобы не спугнуть, не надавить лишний раз, не заставить передумать.

Вечер был хорош – и все же на выходе из ресторана случилось плохое.

– Ой, Милица! – вскричала Марина, нос к носу столкнувшись в дверях с коллегой и подругой. – Одними дорогами ходим!

Они расцеловались, заговорили о чем-то с таким энтузиазмом, будто не виделись по меньшей мере полгода.

Милица была смугловатой девушкой с длинными темными волосами. Макияжа могло бы быть чуть меньше, а ткани, из которой сшита юбка, – чуть больше, но в целом Милица была милая, хотя немного шумная. За руку она держала флегматичного улыбчивого парня.

Илья смотрел на Милицу и ее спутника – и не видел их. То есть поначалу все шло нормально, он протянул руку для приветствия, навесил на лицо приличествующую случаю радостно-удивленную улыбку, но буквально через секунду ему стало не до манер и улыбок.

Звуки окружающего мира смолкли, будто кто-то повернул рубильник и погрузил все кругом в немоту и тишину. Люди открывали рты, как аквариумные рыбы, но из двигающихся губ не вылетало ни звука. Музыка больше не играла. Стук вилок и ложек о края тарелок, звон бокалов, разговоры, смех, уличный шум – ничего этого больше не было.

Однако никто, кроме Ильи, не находил ничего странного в катастрофической, нерушимой, обескураживающей тишине, и он понял: для всех остальных ее не существует. Мир жив, дышит, звучит – дело в нем, Илье.

Но, как будто этого было мало, события продолжали развиваться. Из-за спины Милицы вышла... Томочка.

Секунду назад ее тут не было – и вот уже Томочка стоит возле девушки, точно такая, какой Илья ее помнил: миниатюрная и изящная, хорошенькая, как картинка, обутая в алые босоножки, в белом платье с пышной юбкой и красным ремешком – Илье казалось, что в нем Томочка похожа на сказочную принцессу. Правда, она была бледна до прозрачности, а на лице не было обычной улыбки, глаза смотрели грустно и задумчиво.

Секунда – и погибшая невеста подошла ближе к Илье, он мог бы коснуться ее, но его словно бы обездвигило: руки сделались неподъемными, чужими. Он сумел прошептать ее имя, а Томочка качнула головой и нахмурилась, как если бы Илья сказал что-то грубое, бестактное.

– Голова, – одними губами произнесла Томочка и посмотрела на Милицу.

Та продолжала что-то говорить, но смотрела на Илью с легким недоумением, как и все остальные. Ему подумалось, что, должно быть, он ведет себя странно, но это было неважно – важно, что Милица вдруг стала истекать кровью.

Кровявые ручьи потекли из широко раскрытых глаз, прочертили дорожки по щекам и капали на светлую блузку. Кровь текла из носа, ушей и рта, даже из-под густой челки, скрывающей лоб... Спустя всего пару мгновений лицо девушки превратилось в окровавленную маску, и это было настолько невыносимое зрелище, что Илья закричал, не в силах сдерживаться.

Его успокаивали. Марина бросилась к нему, обнимая, уговаривая, и ее прикосновения казались обжигающими, руки были чересчур горячими, и это раздражало.

Окружавший его кокон лопнул, все звуки разом вернулись, и Илья слышал, что окружающие – вскочившие со своих мест посетители и встревоженный персонал кафе – дружно спрашивали, охали, переглядывались, гомонили, доставали телефоны, звонили куда-то.

Илье хотелось, чтобы они умолкли. Голова разболелась, он чувствовал, что сделал что-то не то, но не мог правильно сформулировать произошедшее.

Он поглядел на Милицу, которая единственная из всех стояла молча, глядя на Илью расширившимися глазами.

– У вас что-то с головой, – против воли произнес Илья.

Удивительно, но, открывая рот, он понятия не имел, что скажет. Голос был хрипловатым и слабым, но слова прозвучали громко, и люди кругом замерли, обернулись к нему: что говорит этот странный русский?

– Илюша, пойдем, ты, наверное... – начала Марина, но он жестом остановил ее, чувствуя, что должен сказать Милице нечто важное, сам при этом не понимая побудивших его причин. Одно было несомненно: Томочка пришла, чтобы сказать, предупредить, и он не должен молчать.

– Милица, ваша голова... Кровь. Это опасно.

Он понимал, что происходящее безумно, но не мог остановиться. Илья говорил по-русски, но произнесенное им похожим образом звучало и на сербском языке: «*крв*», «*глава*», «*опасно*», так что Милица, видимо, поняла без труда и испуганно прижала ладони ко рту.

– Ты ее пугаешь! – крикнула Марина. – Что ты делаешь?

Наверное, ей было неловко перед подругой. То, что случилось, бросало тень на нее, могло повлиять на их дружбу, на работу, на что-то еще, до чего Илье не было дела.

– Ваша голова. Это опасно, – повторил он, развернулся к выходу и, пробившись сквозь толпу, выскочил вон.

Его никто не останавливал.

Глава шестая

– Как дела у Ильи? – спросил Семен Ефремович, наливая Мише чаю.

Тот взял чашку, в который раз уже отметив про себя, что старик выглядит измученным, больным. Когда они познакомились несколько лет назад – Миша обратился к ученому за помощью, чтобы справиться с Мортус Ултором, которая терзала Илью (*подробнее читайте в романе «Узел смерти» – прим. ред.*), Семен Ефремович был крепким и бодрым, таким и оставался до недавнего времени.

А в последние пару месяцев постарел, стал еще меньше ростом, осунулся. Глаза потускнели, руки стали подрагивать. Миша забеспокоился, записал Семена Ефремовича к доктору, но тот все откладывал визит, и давить на него было бесполезно.

Миша привязался к старику, полюбил их долгие неспешные беседы, научился разбираться в сортах чая и кофе. Он приходил в набитую до отказа книгами квартиру Семена Ефремовича два, а то и три раза в месяц, часто звонил; у него постепенно вошло в привычку делиться с Семеном Ефремовичем планами, порой спрашивать совета. Старый ученый тоже полюбил Мишу, считая внуком, которого у него никогда не было.

– Илья наслаждается жизнью в Европе, – отшутился Миша.

Семен Ефремович кивнул, думая о чем-то своем.

– Вы же советовали и мне, и Илюхе не бояться перемен. Вот он и сменил все, что можно. Даже страну.

– В сущности, это чисто географические перемены, – возразил старик. – Перемещение в пространстве. Но куда бы человек ни отправился, он тащит за собой себя самого. Свою грусть, комплексы, страхи. Думается мне, что Илья ничего по-настоящему не переменил в жизни, это еще впереди. – Старик помолчал, а потом проницательно заметил: – Тебя что-то беспокоит?

Миша встал, подошел к окну и прикрыл форточку.

– Дует немного. Как бы вам не простудиться, – сказал он, обдумывая ответ. Снова сел в кресло, повертел в руках чашку.

Семен Ефремович, ничего не говоря, наблюдал за его действиями.

– Слышали про маньяка, которого прозвали «Душителем»?

– Он похищает и душит женщин, – кивнул старик. – Слышал, конечно. Кто в Быстрорецке о нем не слыхал?

– Что-то в этой истории меня беспокоит. То есть... – Миша взъерошил волосы, положил ногу на ногу. – Сам не понимаю.

– Ты полагаешь, там что-то... *иное*?

Миша не слишком уверенно покачал головой.

– Я понимаю: это должен быть человек. Да что там, это точно человек – свидетель видел машину, в которой маньяк привез очередную жертву, чтобы выбросить тело в Быструю. Но он... он нечеловечески удачлив. Мой крестный возглавляет поиски и говорит: убийца не оставляет никаких улик – ничего, что дало бы хоть какую-то зацепку. Отследить маньяка никак не получается, его мотивы неясны, тела он оставляет в разных местах.

Он умолк, и Семен Ефремович осторожно проговорил:

– Это все ужасно. Понимаю, ты тревожишься за Лелю – никто не может быть спокоен, пока убийца разгуливает на свободе. Но это дело следователей. Почему это так сильно тревожит *тебя*?

Михаил поглядел на старика. Никому больше не мог этого сказать, только Илье и Семену Ефремовичу. Но Илью лучше было не тревожить понапрасну, он и без того настрадался. Сейчас, когда у него все налаживается, было бы просто нечестно снова пытаться грузить друга всякой мистической жутью.

– Я и не думал об этом особо, – признался Миша. – До вчерашнего дня. А вчера...

Когда они с дядей Сафом добрались до места, там уже было полно народу. Сафронов нервничал, велел ехать быстрее, но быстрее не получалось: мигалки у Миши не было, так что они то и дело стояли на светофорах и попадали в утренние пробки. К их приезду всюду стояли машины скорой и полиции, кругом толпились перепуганные жители окрестных домов и случайные прохожие.

Тело девушки, пропавшее вчера из морга и снова обнаруженное в подвале многоквартирного дома, уже упаковали в черный мешок, готовясь опять увезти в морг.

Сафронов сразу включился в работу, принялся резким, напряженным голосом отдавать распоряжения, выслушивать то одного, то другого сотрудника. Про Мишу он, едва выйдя из салона машины, судя по всему, позабыл.

А Михаил, с неожиданной, затаенной грустью думая о том, что и сам мог бы заниматься в жизни чем-то подобным, если бы не ушел со службы, не спешил уезжать. Прислушивался к разговорам и вскоре понял, что покойницу обнаружил местный дворник. Миша заметил его возле полицейской машины, это был худой мужичок невысокого роста, во внешности которого было что-то знакомое.

«Где я мог его видеть?» – думал Миша, выбираясь из машины и подходя ближе.

Мужчина, который до этого стоял к Мише вполоборота, повернулся лицом, и Михаил моментально его узнал.

– Митрофан, – сказал он.

Митрофан или Митька, как многие его называли, был когда-то приятелем матери Ильи (а если называть вещи своими именами, собутыльником). Потом у Ирины случился инсульт, она полностью изменилась, а когда умерла, Митька приходил на похороны и поминки и, кажется, искренне горевал.

Как раз там-то Миша с ним и познакомился.

Увидев его сейчас, Митька кинулся к нему, как к родному, словно обретя неожиданного спасителя.

– Миша! Слава богу! Вот Миша меня знает! Он скажет, я не псих какой дурной!

«Не псих? О чем это он?» – подумал Миша.

– Ты знаком с Голубевым? – спросил подошедший Сафронов. Голос его звучал отстраненно и официально.

Миша пояснил, откуда знает Митрофана.

– Я не вру! – горячо проговорил тот, и в это мгновение Миша, который прежде полагал, что Митька, как обычно, в подпитии, осознал, что дворник кристально трезв. А руки у него трясутся вовсе не с похмелья.

Митрофан был напуган: лицо странно подергивалось, губы кривились, он комкал в руках рабочие перчатки и порывался объяснить что-то Мише.

Хотя, по словам сотрудников, объяснять было особо нечего, Митрофан ничего и не знал. Спустился в подвал, в котором стояла вода (трубу с вечера прорвало, жильцы постоянно жаловались, ждали бригаду аварийщиков, а у Митьки в том доме в камере инвентарь хранился, были ключи, вот он и зашел проверить, на всякий случай, что и как, скороговоркой выдавал дворник, явно уже не в первый раз за сегодняшнее утро). Открыл дверь и увидел в паре шагов от себя какие-то нити, плавающие на поверхности грязной воды.

– Посветил туда – мать честная! Никакие не нити, волосы, натурально! – горестно говорил Митрофан.

Он ничего не трогал, даже и близко не подходил, выскочил вон, вызвал полицию. И вот с этого момента вполне объяснимая, хотя и трагическая история стала приобретать фантастические черты.

Во-первых, когда тело вытащили из воды, выяснилось, что это пропавшая из морга жертва Душителя, неизвестно как сюда попавшая. А во-вторых...

– Я ее видел вчера вечером! – дребезжал Митрофан. – Когда из магазина шел.

Сафронов поджал губы, и это не укрылось от рассказчика.

– Зря вы так, гражданин начальник! Я уже давно в завязке. Сухой! В рот ни капли не беру. Нельзя мне, по здоровью! Вот и Миша скажет, он меня знает, я врать не буду!

Миша видел, что Митька говорит искренне, к тому же нуждается в поддержке, поэтому утвердительно склонил голову.

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо проговорил Сафронов. – Что вы видели?

– Ее и видел!

– Кто-то тащил тело в подвал? – уточнил Миша, а Сафронов весь подобрался: появился потенциальный свидетель!

Но Митрофан разочаровал.

– Никто не тащил. Сама шла, – проговорил он.

– Тьфу ты, – разочарованно сплюнул Сафронов.

– Шла! – упрямо проговорил Митрофан. – Я ее видел, прямо как вас. – Он понизил голос и почему-то перекрестился. – В двух шагах от меня прошла.

– Вы понимаете, что эта девушка уже мертва? Она никак не могла ходить, как вы утверждаете!

– Знаю я, что она была мертвая, – еле слышно сказал Митрофан, и ужас в его голосе звучал еще отчетливее. – Сразу понял. Покойницу от живой любой сумеет отличить, дело нехитрое. Она мертвее мертвого была, а все же шла! Остановилась возле меня, руку подняла, – Митька шумно сглотнул. – И вот так вот меня за плечо!

Митрофан внезапно схватил Мишу за руку. Он не успел отшатнуться, и тут это случилось...

– Что? – подавшись вперед, спросил Семен Ефремович.

– Мой шрам. – Миша прижал ладонь к шее. – Его как будто огнем полоснуло. Мне даже на секунду показалось, что меня кто-то по горлу ножом чиркнул. Но это быстро прошло, сразу же. И с той поры...

– Болит?

– Есть такое выражение: я теперь знаю, где у меня печень. Или почки. Ну то бишь всю жизнь понятия не имел, а как стало беспокоить, узнал. Вот и я так. Уже и забыл про шрам, только если в зеркале видел, вспоминал. А теперь постоянно чувствую. Саднит как-то, зуд, что ли, не знаю даже, какое слово подобрать.

– Хорошо, что было дальше?

– Да ничего. Все, конечно, заметили, что я дернулся, будто меня током шарахнуло, дядя Саф встревожился. Я говорю, мол, все в порядке – собственно, так и было. Митрофан больше ничего путного рассказать не мог, твердил, что покойница бродила по улице, дотронулась до него и прошла мимо, а он с перепугу чуть дуба не дал.

Семен Ефремович помолчал, потом задумчиво проговорил:

– Если допустить, что этого Митрофана коснулось существо из иного мира...

– Простите, что перебиваю, но, похоже, Митрофан и вправду видел ходячего мертвеца, ему не померещилось, – заметил Миша. – Я поискал и нашел в нашем городском паблике с новостями и сплетнями упоминание о девушке в рваной ночнушке, которая ночью шла по улице. Люди в комментариях откликнулись, несколько человек написали, что тоже ее заметили. Они, конечно, решили, что это пьянчужка и наркоманка, повозмущались падением нравов. Возможно, были и другие свидетели.

Старик прикрыл глаза, обдумывая Мишины слова, а потом продолжил:

– Итак, примем за истину, что Митрофан контактировал с потусторонней сущностью. Полагаю, это событие могло наложить отпечаток, оставить след – и ты его «считал». Возможно, ты теперь вроде чувствительного радара, который очень остро воспринимает такие вещи. Скорее всего, подобные ситуации будут повторяться время от времени, к этому нужно быть готовым.

– Я все думаю, не должен ли вмешаться, помочь, – признался Миша. – Хотя понятия не имею как.

– Конечно, не имеешь. Расследовать преступления – это не твоя работа. – Старик заметно разволновался. Ему не нравилось думать, что Миша может подвергнуть себя опасности, которая была более чем реальна. – Пусть твой Сафронов это делает, ему положено! Чем ты можешь помочь? Что касается мертвой женщины, так она теперь снова там, где ей и положено быть, так что все закончилось, нечего в этом копать.

В его словах был резон, но Мишу они не слишком убедили. Душитесь, ожившая покойница, Митька – как все это объединялось и объединялось ли вообще? Сколько еще недостающих частей в головоломке? А главное, с чего бы Мише во все это лезть?

Думая об этом, он машинально прикоснулся к шраму на шее, и этот жест не укрылся от Семена Ефремовича. Он, конечно, отговаривал Мишу, однако понимал, что тот вряд ли сможет взять и выбросить произошедшее из головы. Да и слова о поиске себя и неслучайности всего совершающегося в жизни никогда не были пустым звуком для старого ученого.

Неожиданно в памяти что-то забрезжило, ожило, просясь наружу. Какое-то воспоминание... Семен Ефремович пока не мог сообразить, что именно хотело прорваться из подсознания, достучаться до него, но доверял своему чутью и собирался помочь себе понять это тем единственно верным способом, к которому прибегал всю жизнь: читая книги. Старик был убежден, что именно там хранятся ответы на все вопросы.

После ухода Миши он подошел в одному из шкафов, вытащил толстенный том и погрузился в его изучение.

Глава седьмая

– Что на тебя нашло, не понимаю! Неужели ты не мог держать себя в руках?

Марина пыталась скрыть раздражение, но выходило плохо, эмоции прорывались сквозь флер воспитанности и вежливости. По ее мнению, Илья учудил не пойми что, повел себя как полный псих, опозорил Марину перед коллегой и ее женихом. Да и в кафе, где ей нравилось обедать, больше не пойдешь: совестно, коситься будут.

Она не говорила этого прямо, но Илья все равно знал, понимал по колючему взгляду, поджатым в нитку губам и подрагивающему от досады голосу. Марина не побежала за ним сразу, как только Илья вышел из кафе – и за свое мелкое, нечаянное предательство тоже злилась на него. У нее был выбор, кого утешать: Милицу или Илью, и она выбрала не его, хотя в глубине души понимала, что это неправильно.

А ему пришло на ум, что Томочка никогда бы его не оставила, она даже на секунду не задумалась бы, как поступить. В свое время Илья принимал ее преданность и верность как должное, а вот Марине, например, такое поведение не казалось единственно возможным.

Правда, потом Марина нашла Илью сидящим на скамье в соседнем парке. Он смотрел на фонтан и выглядел настолько подавленным, что ей стало жаль Илью даже больше, чем себя. Она села рядом, принялась расспрашивать его, но что он мог ответить?

Разговора не получилось – и не получалось еще несколько дней. Они избегали друг друга, хотя Илья сделал попытку помириться, предложил заехать за Мариной на работу, чтобы пообедать вместе. Она отказалась под благовидным предлогом, но вскоре они договорились насчет совместного ужина и сейчас сидели в рыбном ресторанчике недалеко от набережной Савы.

– Милица ужасно переживала из-за твоих слов, – укоризненно сказала Марина в конце трапезы, и это был первый раз, когда они заговорили на опасную тему.

Илья не хотел срываться, собирался обсудить все спокойно, но ее тон сразу показал ему, что приговор вынесен, Марина для себя все решила.

– Ты, надеюсь, сказала ей, что я псих, поэтому нечего принимать всерьез мои слова?

– Прекрати ерничать! – огрызнулась Марина, и вот тут прозвучала фраза о том, что Илье следовало быть сдержаннее.

– Полагаешь, я нарочно устроил этот балаган?

Беседа, едва начавшись, стала утомлять Илью. Он не мог понять, чего Марина от него хочет.

– Не нарочно, конечно! – Она помолчала, вертя в пальцах вилку. – Но ты же знаешь, какие сербы мистически настроенные. Эмоциональные. В общем, Милица обратилась к врачам, на всякий случай прошла обследование. Снимок головы (забыла, как это называется) сделала, кровь проверила, сосуды... Короче, все у нее в полном порядке.

Это прозвучало укоризненно, словно Марине было бы легче, если бы у подруги обнаружилось неизлечимое заболевание головного мозга. Впрочем, может, и было бы, как знать.

– Я за нее рад, – ровно ответил Илья. – Что ты хочешь, чтобы я сделал? Извинился перед Милицей за беспокойство?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.